

Онеггер Артур

11.1.02.

Мок. права 2002 — 11 янв. 6.12
В приложении к книге "Искусство Верди" (Турин, из Эйнауди, 1980) итальянский искусствовед Массимо Мила привел письмо, которое он направил французскому композитору Артуру Онеггеру. На наш взгляд, эти документы и сейчас не потеряли свою значимость. Поэтому мы публикуем тексты этих писем в переводе с французского.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МАССИМО МИЛА АРТУРУ ОНЕГГЕРУ ОТНОСИТЕЛЬНО "РИГОЛЕТТО" И СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКИ

Турин, 16 февраля 1950 г.
Дорогой маэстро!

С чувством естественной симпатии я прочел Ваше предисловие к "Музыкальному альманаху" (1950). Присоединяясь от всего сердца к Вашей жалобе на засилье коммерсализации в музыке и исключение из нее всяких новшеств, я признаю, что мысль написать это письмо пришла мне в голову после возвращения из Парижа, того самого Парижа, к которому, по обыкновению, мы обращаем с ностальгией наши взоры как к истинному очагу новой музыки. Столько великих современных произведений начали там свой путь, преодолев множество трудностей, прежде чем прийти в нашу "провинцию". Создается впечатление, что теперь колесо повернулось и нам удалось ответить на некоторые вкусы современной музыки. Нельзя обоснованно пожаловаться ни на количество новых произведений в Италии, ни на качество их исполнений как во время многочисленных музыкальных фестивалей, так даже во время обычных оперных сезонов и концертов. Но интерес публики к многочисленным новинкам начинает падать: теперь есть маэстро, которые вызывают почтение и даже восхищение. Вы могли в этом убедиться благодаря тому приему, с которым Вас встречали во время Ваших турне по Италии вскоре после окончания войны.

Итак, хотя мы можем почти радоваться достигнутым результатам, из Парижа, к которому мы, по

обыкновению, прислушиваемся, приходит Ваш голос, который нас почти удручает. Не находим повода или причины к этой перемене. Битвы вокруг музыкальных вкусов проигрываются (или выигрываются), а Париж занимает существенно важное положение. Нельзя проявлять безразличия ко всем поворотам на этом фронте. Мы все связаны ответственностью. Читая ваше предисловие к сборнику, я испытывал, дорогой Маэстро, чувство неограниченной солидарности. Но во имя этой симпатии разрешите мне высказать Вам упрек: справедливо жалуясь на коммерсализацию музыкальной жизни, Вы несправедливы в отношении "Риголетто", этого шедевра.

"Действительно ли "перышко на ветру" (слова из "Песни герцога в русском переводе "ветерок полей". — Прим. перев.) вульгарность, которую заглушает аккордеон на улице Лапп, достаточно, чтобы облагородить историю ошибки обмана". С чувством боли я прочел эти строчки в Вашем предисловии. Я надеюсь, что они были продиктованы чувством досады, что Вы не будете руководствоваться этим чувством, если Вам придется говорить о "Риголетто" со знанием дела. Может ли такой музыкант, как Вы, видеть в этом шедевре только "перышко на ветру", невинную безделушку? Можно ли во всех других частях этой драмы, в "Квартете", в крике боли и гнева Риголетто, в отчаянном ужасе Финала, не заметить ничего другого, как историю ошибки или поступка, продиктованного "горячей головой"?

Прошу Вас не создавать обо мне неправильно-го представления.

Я пишу Вам не как шовинист. Будь на Вашем месте француз, англичанин, русский, я все равно говорил бы Вам тем же языком. Я давно отказался от артистического национализма. Мною руководит не забота о музыкальной славе моей страны, а забота о нашей общей цели — утверждение современной музыки, объединяющей нас вопреки всем преградам. Это обычный прием реакционеров, противопоставляющих современной музыке прошлого, которая им кажется отклонением от нормы или бредом, когда им кажется, что они могут доказать, что сбившиеся с пути, будучи не в состоянии понять великое искусство прошлого, предпочитают "умеренное искусство", представляющее собой абсурдное извращение. Они всегда в состоянии бдительности, устремив взоры на нас. Как же они радуются, когда кто-нибудь из нас допускает неосторожность без уважения или симпатии отозваться о мастерах прошлого! Какой это великолепный повод доказать несовместимость старого искусства с новым, несовместимость Баха со Стравинским, Верди с Онеггером, Дебюсси с Хандерлаттом, Рафаэлем с Пикассо. Наше правило — отклонять всякую линию разграничения и разрыва: нет двух искусств — старого и нового.

Есть только одно искусство — Баха и Стравинского. Нет выбора между Стравинским и Верди. Тем хуже для тех, кто принимает только Верди. Кто больше понимает, имеет больше оснований и авторитета в своих суждениях. Думаю, что если у Вас хватит терпения прочитать мое письмо до конца, у Вас возникнет вопрос, кто этот человек, который дает Вам уроки музыкальной стратегии и тактики. Вы правы, дорогой Маэстро. Быть может, я не имею оснований для своих упреков, если не считать чувств дружбы и любви к Вашей музыке. Может быть, Вы вспомните скромную квартиру жителя Турина, которую Вы посетили в мае 1946 года во время Вашего визита в Италию.

Об этом напоминает пластинка Pacific 231 с Вашей подписью, и это побудило меня написать Вам это письмо, выразив Вам чувство дружбы маленькой туринской семьи. Преданный Вам

Массимо МИЛА.

На это письмо, опубликованное в №7 журнала "Контрапункт" ("Contropoint"), Париж, покойный композитор ответил следующим письмом, опубликованном в том же журнале:
Дорогой Массимо Мила!

Искренне сожалею ввиду того, что я огорчил Вас своей фразой относительно "перышка на ветру". Ваша реакция мне нравится, но она меня немного удивляет. Вспомните, в каких выражениях некоторые критики пишут о великих маэстро. Вагнере, между прочим?

Лично я предпочитаю Россини. Осмелюсь признать свое восхищение музыкой Пуччини и некоторыми произведениями Верди, такими, как "Макбет" и "Дон Карлос", которые здесь никогда не исполняют.

Надеюсь, в скором времени я получу возможность обсудить с Вами эти вопросы. В ожидании шлю Вам сердечный привет.

Ваш А. ОНЕГГЕР.

Перевел на русский язык
и подготовил к печати

Михаил А. ДОДОЛЕВ.

